

дѣлу, могло побудить его взять на себя совсѣмъ не легкія обязанности мирового судьи? И въ самомъ дѣлѣ Александръ Васильевичъ творилъ это свое дѣло просто, скромно, но съ великимъ усердіемъ. Правда, онъ не «священнодѣйствовалъ» въ своей камерѣ, не поражалъ ни точностью соблюденія всѣхъ формъ, ни серьезной величавостью своего вида. Напротивъ! Отъ своей публики тоже никакого «соблюденія формъ» не требовалъ: прехладнокровно позволялъ всѣмъ высказываться, какъ они знаютъ; допускалъ самыя горячіе споры тяжущихся, не прерывая ихъ ни единымъ словомъ; иной разъ терпѣливо переносилъ даже вмѣшательство постороннихъ дѣлу лицъ изъ публики, лишь бы это вело къ раскрытію обстоятельствъ дѣла; читая рѣшеніе, никогда не замѣчалъ, если какой-нибудь новичокъ въ камерѣ позволялъ себѣ «выказать неуваженіе суду» — то-есть, по просту не вставалъ съ мѣста. Однимъ словомъ Александръ Васильевичъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ своихъ товарищей, допускалъ въ своей камерѣ «всевозможную распущенность», хотя—сознавались они — дѣло «понималъ до тонкости». Мы же рѣшаемся утверждать, что даже нѣкоторое пренебреженіе къ формѣ было не недостаткомъ, а очень существеннымъ достоинствомъ въ дѣятельности деревенскаго мирового судьи, какимъ былъ Александръ Васильевичъ.

ХІІ.

Дѣло Щастнева разсматривалось въ числѣ самыхъ послѣднихъ: Александръ Васильевичъ дѣла безъ свидѣтелей всегда откладывалъ на самый конецъ засѣданія, стремясь поскорѣе освободить большинство явившихся.

За то вся процедура разбирательства оказалась необыкновенно короткой.

— Что вы имѣете возразить противъ иска?—спросилъ судья Николай Оадѣича.

— Ничего. Пусть мой противникъ докажетъ свое право; а я пока буду молчать.

— На чемъ вы основываете ваше право?—обратился судья къ Щастневу.

— Какъ это?...

— Почему вы считаете, что Мокрецы ваши?

— Помилуйте! У насъ купчая есть.

И Алексѣй Ивановичъ, торопливо развернувъ грязный бумажный платокъ, подалъ судѣ свой драгоценный документъ.